

© С. Ю. МИТРОФАНОВА^{1,2}, 2019

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Самарский университет);

² Самарский государственный технический университет (СамГТУ), Россия
E-mail ^{1,2}: mit_s@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РАМКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИЗМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА

В статье обозначены направления изменения современного детства в последние десятилетия. Поднимается вопрос теоретико-методологической рамки, способной «схватить» меняющуюся реальность современного детства в зарубежных и отечественных источниках. Обсуждаются возможности классических социологических теорий и выросшей на их основе количественной методологии социологического исследования в анализе тенденций современного детства.

Ключевые слова: изменение социальной реальности, изменение современного детства, методология исследования детства, управление социальными изменениями в детстве.

В последние годы в пространстве детства происходят значительные изменения, являющиеся, на наш взгляд, следствием взаимосвязи процессов глобализации и результатов научно-технического прогресса. Эффекты этих процессов пока не совсем ясны, и нет четкого понимания того, как их исследовать.

Цель данной работы заключается в обсуждении теоретико-методологических оснований при исследовании современных тенденций в изменении детства. Постановка данной цели предполагает решение следующих задач:

- обозначить понимание социальных изменений,
- указать современные тенденции изменения детства,
- на примере анализа современного отечественного и зарубежного опыта социологических исследований пространства детства показать, с каких позиций в отечественной и зарубежной литературе преимущественно исследуются современные тенденции в развитии детства.

Объектом исследования выступают изменения в современном детстве. *Предмет исследования* — теоретико-методологическая рамка отечественных и зарубежных исследований детства.

Понимание изменений в пространстве детства и возможности управления ими во многом зависят от того, как понимать социальные изменения. Если придерживаться идей классической социологии, то в самом общем виде социальные изменения можно трактовать как объективный, заранее заданный, «самоэволюционирующий» процесс, идущий в определенном направлении. На наш взгляд, этот тезис адекватен как в отношении социологических теорий циклических изменений (например, В. Парето, П. Сорокин), так и линейных теорий развития общества (начиная от О. Конта и Г. Спенсера, а затем и К. Маркса и до относительно современных трактовок общественного процесса Э. Тоффлера и Д. Бэлла). Вместе с тем общественная практика XX и начала XXI века с ее мировыми войнами, экологическими катастрофами, мировыми опасностями и рисками показывает, что такой подход к трактовке социальных изменений далеко не всегда работает. Иначе пагубные последствия данных социальных изменений можно было бы просчитать заранее и избежать. Однако этого не происходит. Сегодня ученые говорят о сложном (Дж. Урри), «ускользающем» (Э. Гидденс), «текущем» (З. Бауман) и в целом нелинейном и многовариантном характере современного социума, возможности управления в котором совершенно иные. На наш взгляд, социологической теорией, отражающей специфику социальных изменений и социокультурной динамики современного общества, является теория социального становления П. Штомпки, которая содержит идеи непрерывности, отсутствия предопределенности социальных изменений в ходе исторического процесса. Эта теория придает огромное значение выбору, который совершает человек. Социальное изменение здесь трактуется как преобразование общества от одной более ранней стадии к следующей, более поздней стадии. Отсутствие заранее заданного результата изменения обусловлено тем, что потенциальные возможности, которыми обладают структуры, деятельность и агенты могут быть, а могут и не быть актуализированы, реализоваться в действительности. В то же время признается, что эти уровни социальной реальности могут изменяться под воздействием собственных актуализаций (оперирования, практики и действий соответственно) [1, с. 268-291]. Такое понимание сути социальных изменений предполагает осознание влияния «неизвестных переменных» на ход общественной жизни и приводит к признанию значимости личной ответственно-

сти в ситуации выборов и необходимости реализации стремления «к самоконтролю в своих стремлениях к управлению» [1, с. 291].

Отталкиваясь от этих общих посылок трактовки социальных изменений и возможности управлять ими, можно выделить наиболее яркие процессы трансформации пространства современного детства, к которым отнесем следующие группы изменений.

1. Группа «биологических» трансформаций детства. Например, генетическое редактирование генома человека на стадии эмбриона, развитие системы ЭКО, медицина детства, модификация детского тела (в т.ч. через здоровое питание, детский фитнес и т.д.).

Современные технологии открывают ранее невиданные возможности. Так, например, «заморозка» позволяет соединять, транспортировать биологический материал людей, которые в реальности никогда бы не встретились, и тем самым закладывать определенные задатки будущего эмбриона, производя отбор соответствующего биологического материала. В связи с этим возникает вопрос: «Можно ли данный процесс поставить на государственную основу (в зависимости от того, какой тип человека требуется государству), и можно ли тогда говорить о колонизации человечества?». Сбор биологического материала, генномодифицированные дети (появившиеся в Китае [13]), чипизация детей (форсайт-проект 2030 [14]) — в этом случае уже не кажутся чем-то запредельным и являются повседневностью уже не завтрашнего дня, а отчасти сегодняшнего.

2. Группа изменений, связанная с появлением «глобального» ребенка как мобильного актора в реальном пространстве и «цифрового кочевника» в сети Интернет [2, 3, 4]. Этому способствуют процессы информатизации и глобализации детства, изменение формата межличностной коммуникации от исключительно непосредственного живого общения лицом к лицу к другим форматам: через Интернет, социальные сети, детский видеоблогинг [5], sms и прочее. Эти процессы меняют формат социализации современных детей [6], усиливают социализацию через виртуальные, визуальные образы [7].

3. Группа изменений связанная с усилением коммерциализации детства, роли потребления детей, гаджетизации пространства детства, его гламуризации [8], что неизбежно работает на социальную поляризацию и усиление неравенства среди самих детей.

Обсуждаемые тенденции напрямую связаны с появлением новых информационных технологий, гаджетов. Например, это такие гаджеты, как соплеотсасыватель для совсем маленьких детей, браслет безопасности, «умный» матрас, «умная» одежда с датчиками, иг-

ровые тарелки, робот-ребенок, интерактивные книги, планшет, телефон со всеми новыми приложениями (step by step, родительский контроль), радионяня, наушники (например, с шумоизоляцией для маленьких детей), шлем виртуальной реальности и другие. На основе использования этих гаджетов возникают новые явления мира детства: «гламуризация» детства, детский кейтеринг, информатизация детства и т.д.

Отметим, что указанные изменения имеют свою специфику на уровне индивидуального детства. Они по-разному проявляются в зависимости от конкретных обстоятельств жизни ребенка: его пола, возраста, воспитательной и образовательной среды, территории проживания, социально-экономического класса родителей, этничности, религиозности, наличия или отсутствия родителей и т.д. Подчеркнем, что социальные трансформации указанными тенденциями, происходящими в пространстве детства, не исчерпываются. Мы выделили те из них, которые, на наш взгляд, наиболее убедительно демонстрируют сложность, многонаправленность преобразований современного общества.

Далее возникает принципиальный вопрос, касающийся того, как исследовать эту новую появляющуюся реальность, с каких позиций изучать новые практики и явления мира детства, можно ли основываться на классических моделях социальности в их анализе. Так, исходя из понимания социальности как надындивидуальной реальности, в русле Э. Дюркгейма, вытекает трактовка детей как индивидуумов, находящихся в процессе усвоения норм и ценностей данного общества и пока еще не являющихся полноценными его членами (они выступают объектами воздействия, реципиентами, «приемниками» коллективной реальности). Отсюда вытекает и связанная с указанными теоретическими позициями установка (на уровне эмпирических исследований) на признание детей как некомпетентных, незначимых, безответственных участников общественной жизни. И если исследователь что-то захочет узнать о жизни детей (все-таки потенциально, в будущем они станут полноценными членами общества), то нужно обращаться к взрослым, ответственным за них. Такие рассуждения в худшем случае приводят к необходимости прямо признать, что «социальность» Э. Дюркгейма не способна ухватить новую меняющуюся реальность современного детства, допустить ее субъектность и значимость для организации общественной жизни, преодолеть привязанность к конкретной физической территории, к «внутренней социальной среде» конкрет-

ного общества, к его морфологическим фактам и фактам коллективного сознания. В эпоху глобализации, Интернета, цифровой экономики и социальных сетей это может служить серьезным препятствием для понимания сути социальности. Слепая приверженность позициям, представленным в классических моделях социальности, способна привести к тому, чтобы отвернуться от накопленного опыта, он может оказаться даже вредным в силу того, что просто устарел и не соответствует реальным условиям современной жизни общества.

Вместе с тем ответ на вопрос «Продуктивно ли полностью отказываться от логики классических моделей социальности в исследованиях детства?» позволяет утверждать, что в отечественных и зарубежных исследованиях детства акценты расставлены по-разному. За рубежом совершен постмодернистский поворот в исследованиях детства, и отсюда вытекает наибольший интерес к методологии конструктивизма и методикам этнографии и участвующей социологии детства. Так, Л. Аланен в 2015 г. даже называет в вопросительной форме свою вводную статью редактора в одном из номеров журнала «Детство: глобальный журнал исследования ребенка», тем самым обращаясь к исследователям детства: «Мы что, теперь все конструкционисты?» [9]. Л. Аланен акцентирует внимание на том, что во всех доступных онлайн номерах журнала всего более 400 упоминаний обсуждаемого термина, причем их число возрастает от номера к номеру [9, р. 149]. Если в выпусках с момента начала издания с февраля 1993 года до 2000 года всего встречается 65 упоминаний, то с 2000 года по 2005 год — 88 упоминаний, с 2005 года до 2009 года — 128 упоминаний, и с 2010 года по первый номер 2015 года — 195 [9, р. 152]. Л. Аланен проводит критический анализ данного подхода и утверждает, что это своего рода «проходной билет» в поле исследований детства, это самоотнесение исследователей, показывающее, что он/она «в теме». Редактор, ссылаясь на М. Wyness, утверждает, что конструкционизм сегодня становится теоретическим ортодоксом, который не освещает дорогу ученым, а ослепляет их.

Эту идею подтверждают и результаты нашего контент-анализа названий статей и аннотаций журнала «Детство: глобальный журнал исследования ребенка», представленных в 2014-2016 гг. Было выявлено, что упоминания обсуждаемого понятия — конструкционизм — и понятий, образованных на основе его корня, встречается в 16-ти названиях статей и их аннотаций 27 раз (общее количество

подсчитывалось по корню «construc»). Значимость этого направления усиливается значительным количеством упоминаний ряда понятий (для усиления методологии конструктивизма). Так, концепт «участие» (подсчет проводился по корню «participat») звучит 30 раз, «голоса детей» (children's voices) упоминается 8 раз, «деятельность детей» (children's agency) — также 8 раз. Все это определяет соответствующую качественную направленность стратегий и методов исследований детства. Понятие «качественная» и образовавшиеся понятия на его основе упоминаются 21 раз (подсчет проводился по корню «qualit»), в то время как понятие «количественная» не упоминалось ни разу (корень — «quant»). Этнографическая стратегия — самое популярное выражение. Понятие «этнографическая» и термины, образовавшиеся на основе него, звучат 19 раз (подсчет проводился по корню «ethnograph»). Таким образом, в ключевом глобальном международном специализированном журнале по исследованию пространства детства популярны статьи, в которых акцент ставится на методах этнографического исследования, методиках участвующего подхода. Причем в ряде случаев используется участвующий подход в исследованиях с детьми с ограниченными возможностями, или рассказывается о том, что проводится деятельностно-ориентированное интервью с аутичными детьми для выявления их самоидентификации [10].

В российской социологии ситуация несколько иная, здесь наблюдается устойчивый интерес к классическим парадигмам социального знания, например, идеям структурного функционализма и методу анкетирования [11], исследуются институциональные формы детства (например, дети в школе, семье).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не продуктивно сегодня отказываться от классических моделей социальности в исследованиях детства. Уместно вспомнить широко известное высказывание из далекого Средневековья Бернара Шартского о том, что «...мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов. И потому мы видим больше и дальше, чем они. Не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием» [12], и признать, что классические модели социальности применимы и сегодня, но в определенных рамках. В целом выбор теоретико-методологической рамки исследования зависит от целей и задач, которые ставит перед собой автор. Но вместе с тем считаем более адекватными к анализу современной меняющейся реальности

детства те теории и методологии, которые способны понять суть и уловить направления этих изменений.

Литература

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
2. Толстокорова А. В. Глобальный ребенок // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 225-232.
3. Губанова А. Ю. Электронный контент для детей / Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С.341-348.
4. Купряшкина Е. А. Детские мобильности // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С.262-266.
5. Абросимова Е. Е. Детский видеоблогинг // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник: / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 309-313.
6. Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Новая социология детства // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 18-23.
7. Сабирова А. Х., Митрофанова С. Ю. Детское техническое творчество // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 267-270.
8. Майорова-Щеглова С. Н. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / научн. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С. 158-170.
9. Alanen L. Are we all constructionists now? // *Childhood*. 2015. Vol. 22. № 2. Pp. 149-153
10. Митрофанова С. Ю. Современные тенденции в зарубежных социологических исследованиях детства (на основе тематики журнала «Детство: глобальный журнал исследований ребенка») // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / С. Н. Майорова-Щеглова, А. Ю. Губанова, Е. А. Колосова, С. Ю. Митрофанова, В. П. Чудинова. М.: РОС, 2017. С. 78-100.
11. Филипова А. Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1(41). С. 80-87.
12. Бернар Шартрский. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бернар_Шартрский.
13. В Китае на свет впервые в мире появились генномодифицированные дети. Новости. Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-11->

27/356360-v_kitae_na_svet_vpervye_v_mire_poyavilis_gennomodifitsirovannye_deti.

14. Детство – 2030. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Детство-2030>.

*Статья поступила в редакцию 28.11.19 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*